

Предисловие

Россия в настоящее время всё ещё переживает кризис идентичности, который явился следствием и выражением распада государства при одновременной смене общественного строя. Она находится в процессе поиска новых ответов на вопросы о своем месте в мире и о консолидирующих основаниях своего исторического существования.

Вопрос о месте в мире касается цивилизационного статуса России и её роли в большой истории. Мнения по этому поводу высказываются самые разные – от отрицания какой-либо существенной исторической самобытности (мол, такой же народ и такая же страна, как сотни других) до прокламации исключительной (единственной в своём роде) миссии и ответственности за будущее человечества. Особо следует подчеркнуть: речь идет не просто и не только о спорах специалистов, академических разногласиях, за ними стоят различия реальных жизненных позиций более или менее больших групп людей, их общественных настроений и мнений.

Неопределенность, связанная с положением во внешнем мире, является продолжением неопределенности внутренней. Драматизм ситуации, обозначаемой как кризис идентичности России, заключается в следующем: у нас ни на низовом, повседневном уровне общественного сознания, ни на его теоретических высотах нет единого или хотя бы преобладающего мнения о том, кто мы и даже о том, как нас зовут. Последнее особенно тревожно, может даже считаться симптомом того, что кризис ещё находится в стадии, которая не исключает летального исхода.

Когда у индивида или общества возникают проблемы с тем, как их зовут, то это выходит за рамки обычной психической и социальной деструкции. Индивид может заниматься разными вещами, попадать в разные ситуации, может менять взгляды, внешний вид и т. д., но условием его нормальности является сознание того, что всё это делает он и происходит с ним, и что во всех этих видоизменениях и перипетиях он тем не менее остаётся тем, кто он есть – данным конкретным индивидом: Иваном, Петром и т. д. Но если он начинает думать и говорить, что он – это не он, не Иван, не Петр, а, скажем, Наполеон или Чайковский, то в дело вступает медицина. Так и в обществе люди могут иметь

разные, даже диаметрально противоположные взгляды о его природе, устройстве, будущем и т. д., однако эти различия сохраняют разумный смысл до тех пор, пока они не касаются вопроса об их принадлежности к нему. Социальная (общественная, историческая) идентичность – такая же норма коллективного бытия людей в обществе, как персональная (личностная) идентичность – норма бытия индивидуального. К примеру, в советском обществе при всех его видимых и невидимых разломах, разногласиях, конфликтах все были согласны относительно того, что оно именуется советским и что сами они принадлежат к нему; критики советского общества, включая тех радикальных критиков, которые выступали против его советской (социалистической) сущности (как, например, некоторые диссиденты) также считали и называли себя советскими людьми. Сегодня российские люди нередко всё ещё спорят, как называть свою улицу, свой город, не как их обустроить, а как называть, считая само название элементом обустройства. Продолжаются также споры относительно обозначения общегосударственной идентичности. Государство наше, согласно Конституции, именуется Российской Федерацией (Россией). Но многие граждане не хотят называть себя россиянами и не хотят, по-видимому, по той причине, что не согласны признать тождество между Россией и Российской Федерацией, не могут внутренне согласовать свою общегражданскую идентичность с этно-национальной. К примеру, улица выдвинула, а ряд идеологов и политиков поддержали требование: «Россия – для русских». Утверждение этого является самоочевидным и само по себе казалось бы не должно вызывать никаких возражений, как, впрочем, и не должно (именно в силу очевидности) становиться лозунгом. Но проблемы возникают, и филология переходит в политику тогда, когда требуется уточнить: только ли для русских существует Россия (ведь её создавали и в ней живут не только русские) и для всех ли русских (ведь многие русские являются гражданами других государств)? От этого лозунга, как и от иных утверждений, которые сводят историческую идентичность к этнической, веет пещерным духом. Ксенофобия – и в самом деле пещерный пережиток, наследие эпохи каннибализма. Она свидетельствует о том, какие страшные опасности таятся и какими неожиданными варварскими выбросами может обернуться кри-

зис исторической идентичности. Ксенофобия, конечно, не может иметь никаких оправданий, даже того, что она является реакцией на тупой и лживый космополитизм; она даже недостойна быть предметом научного анализа, разве что только в той степени, в какой это необходимо для того, чтобы искоренить её. Это, однако, не избавляет нас от необходимости осмысления и решения тех проблем, на которых она паразитирует.

Хотя в обществе всё ещё существует тревожная разногласия по вопросам о том, кто мы и каково наше место и предназначение в современном мире, тем не менее уже обозначились проблемные поля, в рамках которых идут теоретические размышления, публичные споры и практические поиски.

В том, что касается современного российского самосознания, способного стать консолидирующей основой страны (государства) и народа, ключевыми являются проблемы соотношения: а) национального горизонта и социального идеала, говоря точнее, духовных, социально-исторических оснований национального единства или национальных пределов духовной, социально-исторической сплоченности; б) общегражданской идентичности и этико-национальной принадлежности.

Интеллектуальные напряжения и практически-политические усилия, связанные с самоопределением России в современном мире, концентрируются в основном вокруг следующих вопросов: а) останутся ли исторически сложившиеся цивилизационные различия существенным фактором, определяющим группировку стран и векторы силовых линий в мире, или движущие силы последнего имеют принципиально новую – наднациональную, надцивилизационную – природу? б) если цивилизационные различия сохраняют и впредь свою решающую роль, то какова цивилизационная принадлежность России, является ли она частью какой-либо цивилизации (прежде всего европейской) или представляет собой ядро самостоятельной цивилизации? в) если же современный мир приобретает необратимо глобальный характер и развивается в направлении целостного, единого в своих различиях организма, то на какой объективной основе и в какой идеальной перспективе происходит такое развитие, и как сделать так, чтобы Россия участвовала в этом процессе на достойных ролях, с сохранением своего веса, самостоятельности и самобытности?

Предлагаемая книга представляет собой один из опытов философского анализа судеб России в ситуации той исторической катастрофы, которую она потерпела в конце прошлого века и которая обернулась глубоким кризисом её идентичности. Она является продолжением дискуссии на тему: «Русский мир: смыслы и ценности», которая состоялась в марте 2010 г. на совместном круглом столе Института философии РАН и Фонда «Русский мир» (см.: *Смыслы и ценности Русского мира* / Под ред. В.Никонова. М., 2010. С. 70–110). Здесь представлены разные авторы с разными позициями, но их объединяет то общее, что особенности и границы цивилизационного пространства России они связывают по преимуществу с её культурой и конкретизируют с помощью понятия «Русский мир», а сам Русский мир рассматривают в перспективе глобализации.

*А.А. Гусейнов,
академик РАН*